

Залина Алановна Джиева

Доцент кафедры всеобщей истории,
ЮОГУ (100001, РЮО, Цхинвал,
ул. Путина, д. 8)

E-mail: dzioevazalina09@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7670-2445>

ОБРАЗ ЛАБИРИНТА В ОСЕТИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантики лабиринта и отражению образа лабиринта в осетинской этнической и религиозно-мифологической системе. Лабиринт – очень древний, многозначный и сложный символ, вобравший в себя элементы различных эпох. Лабиринт означает и строение, имеющее запутанную архитектуру, и культовый хороводный танец «геранос» (танец журавля), образ лабиринта также связан с мифом творения и восходит к основному индоевропейскому мифу. В статье рассматриваются данные осетинской этнографии и мифологии, проведены параллели с мифами и обычаями других народов, а также привлекаются данные археологии. Обращается внимание на то, что осетинская народная праздничная и свадебная хореография в основе своей языком танца излагала различные варианты мифа творения. Высказывается мнение о том, что осетинские народные танцы Симд и Чепена аналогичны танцу лабиринта (журавля) и символизируют мифологему Священного Брака.

Ключевые слова: лабиринт, хоровод, «Симд», танец журавля, Священный Брак, мифы творения.

Для цитирования: Джиева З. А. Образ лабиринта в осетинской религиозно-мифологической традиции // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 271–284.

Рукопись поступила в редакцию 5.06.2024

Рукопись принята к печати 2.09.2024

Zalina Alanovna Dzhioeva

Associate Professor of the Department
of General History, SOSU (100001, RSO,
Tskhinval, Putin St., 8)

E-mail: dzioevazalina09@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7670-2445>

The image of the labyrinth in the Ossetian
religious and mythological tradition

Abstract. The article is devoted to the problem of the semantics of the labyrinth and the reflection of the image of the labyrinth in the Ossetian ethnic and religious-mythological system. The labyrinth is a very ancient, polysemantic and complex symbol that has absorbed elements of different eras. The labyrinth means both a building with an intricate architecture and a cult round dance “geranos” (crane dance), the image of the labyrinth is also associated with the myth of creation and goes back to the main Indo-European myth. The article examines the data of Ossetian ethnography and mythology, draws parallels with the myths and customs of other peoples, and also uses archaeological data. Attention is drawn to the fact that the Ossetian folk festive and wedding choreography basically presented various versions of the myth of creation in the language of dance. An opinion is expressed that the Ossetian folk dances Simd and Chepena are similar to the labyrinth (crane) dance and symbolize the mythologem of the Sacred Marriage.

Key words: labyrinth, round dance, “Simd”, crane dance, Sacred Marriage, creation myths.

For citation: Dzhioeva Z. A. The image of the labyrinth in the Ossetian religious and mythological tradition // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. P. 271–284.

Received on 5 June 2024

Accepted on 2 September 2024

Проблема происхождения лабиринта сложна и неоднозначна. Это один из самых многозначных, сложных и глубоких образов мировой мифологии. Идея лабиринта восходит, по всей видимости, еще к эпохе палеолита и в этом образе отразились элементы, которые связаны с различными этапами развития человечества [Лосев 1996:248]. К. Кереньи также полагает, что идея лабиринта уходит корнями в эпоху палеолита [Кериньи 2020:110].

Возникает вопрос, появляется ли образ лабиринта одновременно, независимо друг от друга, в разных цивилизациях и в разных географических ареалах или же, этот феномен появляется в какой-то одной цивилизации в определенном географическом пространстве? Исследователи по-разному

отвечают на эти вопросы. Лабиринты встречаются повсюду — в Америке, Европе, Индии, на Кавказе. Рисунки, изображающие лабиринт есть у аборигенов Австралии. Широко распространены в северо-западной части Европейской России северные, каменные лабиринты [Керн 2007:15].

Одно из первых упоминаний лабиринта содержится в глиняной табличке из Микен, написанной линейным письмом Б. Она переводится следующим образом: «Одну амфору меда для всех богов, одну амфору меда владычице лабиринта». Предполагается, что владычицей лабиринта является Ариадна [Керн 2007: 12].

Коллекции глиняных табличек из Междуречья, которые содержат изображения лабиринта, демонстрируют близкое сходство с изображениями лабиринтов на критских монетах и лабиринтами Северной Европы. Любопытно, что египетские лабиринты обычно не связаны с местными памятниками и появляются с гиксосскими скарабеями. На Крите и Кикладах изображения лабиринта в виде спирали встречаются на культовых памятниках. Образы лабиринтов, которые украшают культовые памятники эпохи неолита, встречаются также на Мальте [Кериньи 2020:103].

По Герману Керну, родиной лабиринты является минойский Крит. Возникновение идеи лабиринта, по мнению Г. Керна принято относить к эпохе неолита, идея лабиринта связывается с появлением земледелия и предполагается, что она тесным образом переплетается с представлениями о смерти и возрождении [Керн 2007:16–17].

Этимология слова лабиринт остается неясной. А.Ф. Лосев полагает, что слово происходит от названия двойного топора *labrys*. Исследователь указывает на близость критской и малоазиатской мифологии и значительное распространение культа двойного топора на Крите и в Малой Азии [Лосев 1996: 247]. Лабрис — топорик с двумя лезвиями, который широко использовался в церемониальной практике [Андреев 2002: 498–513]. По мнению Германа Керна, этимология слова лабиринт связана с понятием «камень» [Керн 2007:13].

Исследователи по-разному трактуют предназначение лабриса. Одни считают его атрибутом ассиро-вавилонских богов [Брентьес Б., 1976: 88], другие — знаком власти царей древней Анатолии [Немировский 1983: 52]. Есть предположения, что лабрис — это оружие грозового божества, лабрис — молния [Круглов, Подпригора 2023:102].

На Крите же, где главной богиней пантеона была Великая Мать Богов лабрис, по-видимому, был атрибутом этой богини [Андреев 2002: 247].

Исследователи предположили, что лабрис изначально был женским орудием, использовавшимся для земледельческих работ, это символ пло-

дорогия. Критская богиня-мать часто изображается с лабрисом — секирой и змеями [Томсон 1958: 248; Пендлбери 1950: 291].

Кульτ лабриса или двойного топора, секиры, был ярко выражен в Малой Азии, Л. А. Гиндин предположил, что этот культ был занесен на Крит каким-то анатолийским племенем [Гиндин 1967:163].

Двойной топор был символом власти этрусских царей, а впоследствии — римских консулов. Двенадцать ликторов несли фасции вместе с топориком перед этрусским царём, облечённым единоличной властью, затем в правление Ромула или Тарквиния этот обычай переняли римляне (Dion. Halic. III. 61. 2–3) [Немировский 1983:114; 107].

Можно вспомнить и скифскую этногоническую легенду Геродота о золотых дарах, которые были ниспосланы сыновьям Таргитая, и достались младшему из сыновей Коллаксаю (IV, 5–7). Это были плуг, ярмо, секира и чаша. Большинство исследователей усматривают в данной легенде доказательства того, что у скифов существовала система трифункционального деления общества [Дюмезиль 1976;1990]. Здесь можно указать еще и на то, что секира (лабрис) символизирует принадлежность к сословию царей и воинов и, следовательно, и у скифов секира или двойной топор также являлась атрибутом высшей власти.

Образ лабиринта окутан тайнами и загадками, он чрезвычайно сложен, многогранен и архаичен. Ряд исследователей отмечали, что лабиринт может символизировать лишь царство мертвых, однако миф о лабиринте сложнее и многозначнее, и отражает религиозно-мифологические представления различных этапов развития человечества. Под лабиринтом принято понимать литературный мотив, лабиринт также рассматривают как культовый танец, в лабиринте видят схему танца, лабиринт — это также строение с запутанной архитектурой [Лосев 1996:247–251; Керн 2007:40–50].

Лабиринт Миноса — это не просто здание с чрезвычайно сложной и запутанной архитектурой, но это ритуальный, сакральный танец, с перепрыгиванием через быка. Танцоры следовали по определенному плану, схеме, которая изображена на табличке из Пилоса, а также многочисленных петроглифах, найденных в эпоху бронзового века в Средиземноморье. Лабиринт — это обряд инициаций. В этом смысле лабиринт символизирует идею смерти и возрождения, скорее символическую смерть и новое рождение, как в инициациях. Герман Керн предположил, что первоначальное значение слова — групповой танец. Со временем люди утратили понимание значения танца [Керн 2007: 13].

Возможно, слово лабиринт означало не только некое каменное строение, но это было также место для танцев, площадка, на которой нанесено

изображение лабиринта. По мнению Карла Кереньи, любое исследование лабиринта должно начинаться именно с танца [Кереньи 2020:69].

Таким образом, существует широко распространенное мнение о том, что изначальная семантика лабиринта связана с идеей группового танца, что лабиринт — это ритуальный, хороводный танец.

У Гомера имеется сообщение о том, что на щите Ахилла изображен лабиринт и указывается на его сходство с танцем (Илиада, 18, 590–605). Плутарх описывает танец Тезея, известный как танец журавля. (Тезей, 21). Согласно Гомеру (Илиада, 18, 593), на площадке для танцев, которую смастерил Дедал для Ариадны, были знаки, указывающие танцорам, как правильно исполнять хоровод. Он же и научил Тезея и афинских юношей, и девушек, которых спас от Минотавра Тезей, священному танцу. Танец этот исполнялся по расходящимся и круговым линиям, что напоминало путешествие Тезея по лабиринту и избавление, и освобождение юных афинян от Минотавра [Лосев 1996:246].

Согласно сообщению Плутарха, Тезей на обратном пути с Крита, на Делосе принес Аполлону жертвы и посвятил ему статую Афродиты, полученную им от Ариадны. Он устроил вместе с молодыми людьми танец, который делосцы называют «геранос», т.е. «журавль». Тезей исполнил его вокруг алтаря, сложенного исключительно из левых рогов животных. Этот был танец, где с помощью ритма делались запутанные фигуры; затем участвующие становились в обыкновенном порядке в подражание запутанным ходам и извилинам Лабиринта (Plut.Thes., 21).

По Евфстафию (Eustath. II, p. 1166, 17 и сл.), танец журавля был первым совместным танцем мужчин и женщин. Об этом же говорит и Плутарх (Plut.Thes. 21, Алекс.), который сообщает, что делосцы позаимствовали у Тезея танец лабиринта, названного делосцами «геранос» — «журавль». Поллукс (IV 101) сообщает, что танец журавля танцевали все вместе один за другим рядами, причем на обоих концах каждого ряда были свои **вожаки**. Вергилий упоминает троянские игры, которые подражали древним троянским обычаям и напоминали рисунком и движениями лабиринт (№ 57, а).

Таким образом, согласно античной традиции, танец журавля был введен Тезеем на Делосе в подражание Лабиринту [Лосев, 1996:252].

Исследователи отмечают, что лабиринт - это именно культовый танец, который возник в связи с эволюцией производящих видов хозяйства на Крите в эпоху среднеминойского периода, иными словами, это танец символизирующий миф творения космоса из хаоса [Лосев 1996: 251].

Некоторые под лабиринтом понимали оркестру для танцев, на которой была нанесена схема лабиринта, которая являлась подсказкой для

танцоров. В подтверждение данной версии обычно ссылаются на приведенное выше сообщение Гомера из Илиады (Илиада, 18, 593), согласно которому Дедал построил в Кноссе площадку для танцев Ариадны [Лосев 1996: 246].

Культ Минотавра на Крите был связан с культом солнца, на острове бык был солярным символом. Отмечалось, что рисунок танца и мифологические представления, относящиеся к Минотавру, были связаны с движением небесных светил. Было выдвинуто предположение, что в Кноссе проходили ритуальные театрализованные представления с масками различных животных. Образ Минотавра восходит к эпохе палеолита, в нем сочетаются хтонические и солярные признаки и черты [Лосев 1996: 238–239, 241].

Согласно мнению ряда исследователей, с лабиринтом ассоциировалось и первичное рождение, и священный брак. Любопытно в этой связи было бы вспомнить известную этрусскую ойнохойю из Тральятеллы. В древности эта местность принадлежала этрускам, археологи обнаружили здесь кувшин для вина — ойнохойю в этруском погребении. Датировали эту находку примерно 620 годом до н.э. Для нас представляют огромный интерес сюжеты, изображенные на кувшине. Ученые предположили, что всадники и воины покидают лабиринт, где проходили инициации. На сосуде также есть надпись *Truia*. Одни исследователи согласны видеть в этом слове искаженное «Троя», другие считают его производным от глагола *truare* — «двигаться». На ойнохойе также предположительно изображена священная свадьба после приключений и выхода из лабиринта Тезея и Ариадны [Керн 2007:85–88].

Сцены, изображенные на кувшине, трактовались по-разному. Некоторые исследователи усматривали здесь суд Париса, другие считали, что на кувшине изображены бытовые сценки. Более правдоподобны предположения, согласно которым на ойнохойе из Тральятеллы изображены мифы о Тезее и Ариадне. Справа от рисунка лабиринта — две пары, предающиеся любовным утехам. Эту сцену интерпретируют как священную свадьбу Тезея и Ариадны после победы Тезея над Минотавром [Керн 2007:85–88].

У многих народов практиковались подобные обряды, которые согласно религиозно-мифологическим представлениям способствуют хорошему урожаю. Не являются в этом плане исключением и осетинские праздники. Чрезвычайно интересны данные о празднике весеннего календарного цикла у осетин — Бæлдæраен, отмечаемого в воскресенье следующим после пасхи. По всей видимости в дохристианскую эпоху праздник Бæлдæраен был связан с празднованием нового года и отмечался в марте. Бæлдæраен символизировал пробуждение после зимней спячки и оплодотворение всей природы. Считается также, что праздник был посвящен Бæлдæру, который

Рис. 1. Ойнохой из Тральятеллы

являлся в осетинской мифологии покровителем природы, во власти которого была жизнь на земле и размножение всего сущего. Таким образом, праздник Бæлдæраен связан с дохристианскими культами оплодотворения природы. Осетины считали, что все сущее в природе сотворено парами и в этот день происходит совокупление. То же понимание мира переносилось соответственно и на человека. [Чибиров 2013:110–111].

Похожим по смыслу на праздник Бæлдæраен, был Хор-Хор, который открывал весенний цикл земледельческого календаря осетин. Праздник был известен под разными названиями: «Хоры Уациллайы куывд», «Рæмон бон» и др. Праздник Хор-Хор, как и Бæлдæраен восходит к древним земледельческим культам. Плодородие земли соотносили с женским чадородием, и земля в традиционном народном сознании уподоблялась беременной женщине [Уарзиати 2017:64].

Значительный интерес представляет обычай, который практиковался жителями ущелья реки Б. Лиакхва во время празднования Хор-Хор. После проведения ритуальных борозд пахарь на поле раздевал себя догола ниже пояса и садился на вспаханную землю. Л. А. Чибиров отмечает, что подобные обряды практиковались у других народов Кавказа и Средиземноморья, в частности у аварцев и у древних греков и имели целью оплодотворение земли и получения богатого урожая. Возможно, как отмечает исследователь, в прошлом у осетин наряду с пахарем появлялась, и женщина и пара предавалась любовным утехам [Чибиров 1976: 116–117]. Этот обычай имеет прямую параллель с сюжетом, изображенным на ойнохой из Тральятеллы и, вероятно, символизирует мифологему Священного Брака.

Исследователи отмечают, что осетинская мифология и религиозная обрядность были теснейшим образом связана с осетинскими народными танцами. Осетинская народная праздничная и свадебная хореография в основе своей языком танца излагала различные варианты мифа творения [Газданова 2007: 284–285].

Миф творения наиболее полно воспроизводит средствами хореографии осетинский народный танец «Симд». Этот танец, как убедительно показали исследователи, символизирует процесс структурирования мирового хаоса и превращения его в порядок, космос [Салбиев 2015: 18].

Идея творения проходит через всю традиционную культуру осетин. Центральным образом и в мифологии, и в традиционных осетинских верованиях является образ единого Бога — Творца — Дунескæнæг Хуыцау. [Bailey 2003: 26–27; Расторгуева, Эдельман 2007: 425–426].

По мнению Т. Салбиева, с мифологической точки зрения осетинской хореографии гораздо более актуальной была брачная семантика, а не миф творения, на что указывает целый ряд признаков [Салбиев 2015: 19]. Молодые люди достигали возраста женихов, когда они начинали посещать танцы [Уарзиати 2017: 202].

Известная мифологема Священного брака — брака неба и земли, или неба и воды красной нитью проходит через народную хореографию осетин. Союз неба и воды — мотив, широко распространенный у племен скифо-сарматского круга, и в целом в индоевропейской мифологии [Салбиев 2015: 18,19]

Можно привести в пример осетинский народный танец «Чепена», главная особенностью которого была его откровенная сексуальность, свидетельством чего являются песни, которые сопровождали этот танец [Салбиев 2021:32]. Песня изобиловала самыми нецензурными словами и сопровождалась непристойными действиями [Туганов 1977: 74]. На это же указывали и другие исследователи, отмечая, что тексты песен «были насыщены любовным содержанием, доходящим иногда до сальности», под стать им были и движения любовного содержания, имитировавшие подготовку к чадородию.

Танец исполнялся под вечер, когда становилось темно. Молодежь не допускали до подобного рада зрелищ, а исполнителями были мужчины, которые уже вступили в брак. Танец Чепена/Кепена был тесно связан с свадебной обрядностью и в тоже время носил карнавальный характер [Салбиев 2021: 31–32].

Как уже отмечалось выше, в сюжетах, изображенных на ойнохойе из Тральятеллы, связанных с циклом сказаний о Тезее, Минотавре и Ариадне, отражена идея Священного брака. Можно предположить, что в основе

осетинских танцев «Симд» и «Чепена/Кепена», точно так же, как и в семантике танца лабиринта или геранос, лежит мифологема священного брака. Этимологию слова «симд» даёт В. Ф. Миллер — это старинный хороводный танец [Миллер 1929:1094]. На культовый, ритуальный характер танца «Симд» указывал В. И. Абаев [Абаев1979:108]. Хоровод у многих народов символизирует миф творения, который пронизывает всю осетинскую хореографическую традицию, что относится, также, к семантике танцев «Симд» и «Чепена».

С танцем лабиринта соотносит Г. Керн и баскские хороводные танцы — «Танец улитки» и «танец похищение». В культовых практиках похищение девушки символизирует особый танец, рисунок которого образует спираль [Керн 2007: 44–45].

О том, что осетины были знакомы с идеей лабиринта, свидетельствует и нартовский эпос осетин и древнейший архитектурный памятник с изображением лабиринта, находившийся в Махческе. Это памятник народная осетинская традиция связывает с жилищем Сырдона «Сырдоны хаедзар».

О махчесском лабиринте впервые упоминает В. Б.Пфафф, который отмечает, что камень этот лежит недалеко от в входа подземный коридор и местные жители называют его Сырдони дор, камень Сырдона. Жители указывали на то, что на камне изображен план дома, где жил Сырдон [Пфаф, 1872: 114–115].

Камень представляет из себя гранит в форме треугольника, поверхность его гладкая, края округлены [Семенов1949: 56, 57], что, скорее всего, указывает на то, что это рукотворный памятник.

Этот памятник представляет для нас огромный интерес, так как предание связывает его с именем Сырдона, одного из древнейших персонажей нартовского эпоса, с другой стороны исследователи не раз уже отмечали близость махчесского лабиринта к критскому [Пфаф 1872:114–115; Семенов 1949: 56, 57].

Изображение махчесского лабиринта было опубликовано в 1925 году. Большинство исследователей считает, что он аналогичен критскому лабиринту, изображения которого встречаются на монетах и этрусскому, рисунок которого встречается на упомянутой выше ойнохойе из Тральятеллы [Семенов 1949: 56, 57].

Любопытно отметить, что лабиринты, аналогичные махчесскому, встречаются и на севере западной Европы, и на территории бывшего СССР, а также на старинных резных дагестанских сосудах [Семенов 1949: 56, 57; 1957: 88].

Подобно тому, как в греческом мифе говорится о том, что лабиринт — это здание, построенное Дедалом, так и в нартовском эпосе лабиринт связан

с именем Сырдона, и по подземной келье Сырдона, как по лабиринту греческих сказаний можно пройти, держась за нить. Келья Сырдона представляла из себя подземное здание, из которого непосвященный человек не мог найти выхода. Изображения лабиринта встречаются также на археологических и этнографических предметах Дагестана [Семенов 1949: 56,57].

Лабиринт из Махчеса, Герман Керн датирует временем не ранее III в. до н.э. [Керн 2007:]. Другие же исследователи, исходя из датировки кувшина из Тральятеллы, имеющего аналогичное изображение лабиринта и относящегося к VII в. до нашей эры, предполагают, что и махчешский лабиринт может относиться, приблизительно, к той же поре [Семенов 1949: 56, 57; 1957: 88].

Любопытно отметить, что схематический план городища царциатов, сделанный Б. А. Куфтиным, удивительно похож на изображение лабиринта [Дзаттиаты 2023:77 рис. 21]. Городище царциатов, загадочного народа жившего в Осетии и оставившего после себя значительные археологические памятники, было расположено у селения Едыс в верховьях реки Большая Лиахва. Царциаты, вероятнее всего были частью аланского этноса [Дзаттиаты 2023: 6–8, 134–142]. План городища в виде лабиринта, по-видимому,

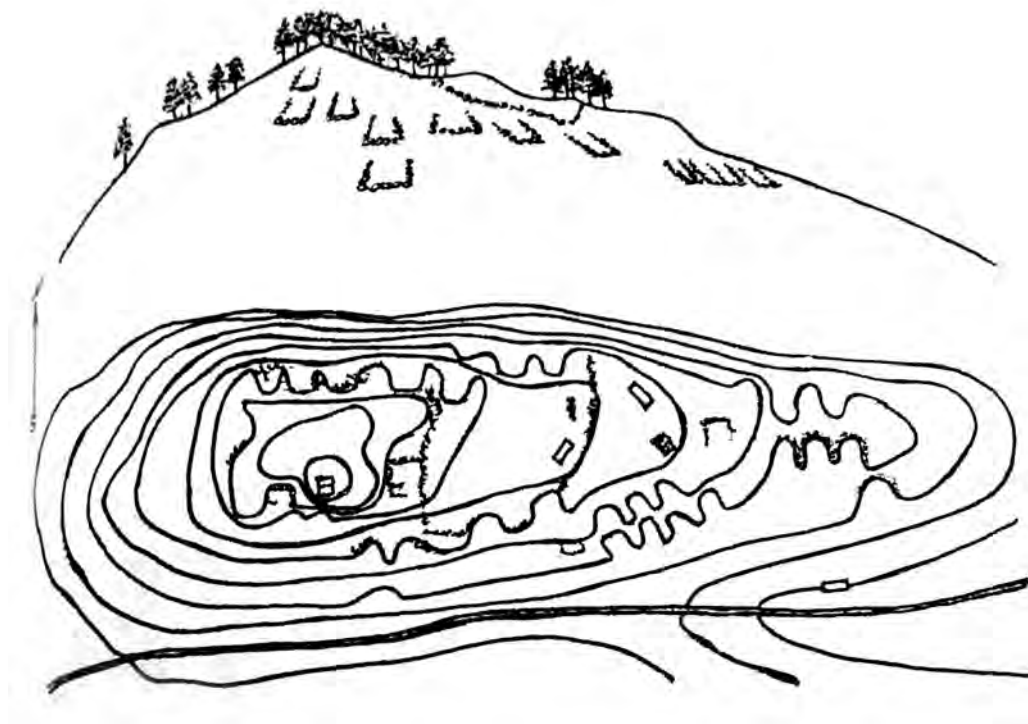

Рис. 2. Схематический план городища царциатов по Б. А. Куфтину

имел религиозно-культовое значение. Данный факт, как нам представляется, является свидетельством того, что идея лабиринта была не чужда осетинской градостроительной традиции.

Мифологический образ лабиринта чрезвычайно сложен, он отражает различные этапы развития человечества. Через образ лабиринта красной нитью проходит мотив трансформации хаоса в космос, в этом мифе отражается великая революция — переход человечества от матриархата к патриархату, она символизирует запрет человеческих жертвоприношений [Лосев 1996: 252].

Образ лабиринта был широко распространен во всем древнем мире. В основе древнего, хороводного танца лабиринта лежат мифы творения, превращения хаоса в порядок. Танец лабиринта также символизирует мифологему священного брака, идею ежегодного умирания и воскресения природы, идею, которая была характерна для средиземноморско-кавказского региона и которая была присуща и осетинской традиционной религиозной обрядности.

Этот культовый хороводный танец сохранился с древних времен у многих народов: у греков это был танец журавля, геранос, у басков «Улиточка» и «Похищение», что ясно показал в своих трудах Герман Керн [Керн, 2007:44–45]. У осетин эта идея священного брака и миф творения отражены в древнейшем хороводном танце Симд и свадебном танце Чепена.

Миф творения, символизирующий победу света над тьмой, разума над черной магией, нашел свое отражение в мифологии и религиозных представлениях многих народов, в том числе и в религиозно-мифологической системе и этнографии осетин. Это встречающиеся в эпосе сюжеты о борьбе солнечных героев с хтоническими чудовищами, которым приносят в жертву прекрасных девушек. Эти герои — Батрадз, Сослан, Уастырджи, герои осетинских сказок избавляют людей от жутких обрядов человеческих жертвоприношений, присущих эпохе матриархата.

В мифологическом аспекте лабиринт символизирует идею творения, превращения хаоса в космос. По сути, миф о Тезее Минотавре восходит к основному индоевропейскому мифу, согласно которому грозное или солнечное божество убивает змея (подземное чудовище). Миф этот отражен в различных вариантах в осетинской мифологии и фольклоре.

По мнению некоторых исследователей, Минотавр — это Зевс, но он его хтоническая ипостась и со временем Минотавр окончательно трансформируется в чудовище подземного мира, в то время как Зевс становится владыкой небесного пространства. Миф о Лабиринте представляет собой победу порядка, космоса над хаосом в социальном аспекте. В мифологии это была победа героизма, света над хтонизмом [Лосев 1996: 243]. Миф

этот отражен в различных вариантах в осетинской мифологии и фольклоре. Этот же миф воспроизводится средствами хореографии в греческом танце геранос, который, согласно греческим мифам изобрел Тезей и впервые станцевал его после победы над Минотавром совместно с Ариадной и спасенными им девушками и юношами.

Симд — это хороводный, культовый танец, танец лабиринта, как и танец «геранос». Герман Керн, предположил, что баскские народные танцы «Улиточка» и «Похищение», это также танцы, близкие по семантике танцу лабиринта. Т. Салбиев отмечает, что в семантике осетинского народного танца «Тымбыл Симд» четко просматривается мифологема «Священного брака», которая разворачивается в рамках Грозового мифа. Таким образом, семантика «Симда», как и танца журавля, восходит к основному индоевропейскому мифу, согласно которому Бог грозы (солнца) одерживает победу над змеем, соблаздившем его супругу. И эта победа солнечного (грозового) начала над тьмой и хтонью в образе змея (дракона) является началом творения и превращения хаоса в космос [Иванов, Топоров 1974:6]. Таким образом, осетинская религиозно-мифологическая традиция и народная хореография восходят в своей основе к глубокой древности и отражают элементы различных этапов развития человечества, начиная с эпохи палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979
- Алборов Б. А. Осетинские танцы. Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая. Владикавказ. 2005. С. 359–382.
- Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Кит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002, 862 с.
- Брентьес Б. От Шанидара до Аккада / Пер. с нем. М., 1976. 359 с.
- Газданова В. С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ. 2007. 438 с.
- Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. 198 с.
- Дзаттиаты Р. Г. Царциаты калак: Средневековое городище и аланский могильник у с. Едыс. Владикавказ. 2023. 191 с.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология/ под ред. и с послесловием В. И. Абаева. М., 1976.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Москва. 1990. 231 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. — М.: Наука, 1974. 342 с.

- Кериньи К. Исследования лабиринта/ пер. Власова Н. А. Санкт-Петербург. 2020. 160 с.
- Керн Г. Лабиринты мира. Санкт-Петербург. 2007. 432 с.
- Круглов Е. А., Подпригора А. Р. Критский лабрис (ещё раз о символике двойного топора) // Аякс. Исследования по истории, археологии и культуре. Т. I. № 1–2. С.101–114
- Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь/ Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. 1929.
- Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. 251 с.
- Пендлбери Дж. Археология Крита / Пер. с англ. М., 1950, с. 416.
- Пфаф В. Б. «Этнологические исследования об осетинах» // «Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис. 1872 .
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М., 2007.
- Салбиев Т. К. Обрядовая основа осетинского традиционного танца Чепена / Кепена (проблема аутентичности) // Вестник ВНИЦ РАН. т. 21 № 4 2021. С. 29–36.
- Салбиев Т. К. Священный брак: мифология и традиционная хореография осетин. Москва. 2015. 104 с.
- Семенов Л. П. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Сб. статей. Дзауджикау. 1949.
- Семенов Л. П. Нартский эпос и памятники материальной // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе. 1957. С. 82–91.
- Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир / Пер. с англ. М., 1958, с. 660.
- Туганов М. С. Осетинские танцы // Литературное наследие. Орджоникидзе. 1977. С. 68–94.
- Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ. 2017. 552 с.
- Чибиров Л. А. Осетинская этнографическая энциклопедия // Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ. 2012. 688 с.
- Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. 1976. Цхинвали. 282 с.

REFERENCES

- Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka. T. III. L., 1979.
- Alborov B. A. Osetinskie tantsy. Nekotorye voprosy osetinskoï filologii. Kniga vtoraiia. Vladikavkaz. 2005. S. 359–382.
- Andreev I. V. Ot Evrazii k Evrope. Kit i Egeiskii mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III — nachalo I tys. do n. e.). SPb., 2002, 862 p.
- Brent'es B. Ot Shanidara do Akkada / Per. s nem. M., 1976. 359 s.

- Gazdanova V. S. Zolotoi dozhd'. Issledovaniia po traditsionnoi kul'ture osetin. Vladikavkaz. 2007. 438 p.
- Gindin L. A. Iazyk drevneishego naseleniia iuga Balkanskogo poluostrova. Fragment indoevropskoi onomastiki. M., 1967. 198 p.
- Dzattiaty R. G. TSartsiaty kalak: Srednevekovoe gorodishche i alanskii mogil'nik u p. Edys. Vladikavkaz. 2023. 191 s.
- Diomezil' Zh. Osetinskii epos i mifologiya/ pod red. i s poslesloviiem V.I. Abaeva. M., 1976.
- Diomezil' Zh. Skify i narty. Moskva. 1990. 231 p.
- Ivanov V. V., Toporov V. N. Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov. Moskva: Nauka, 1974. 342 p.
- Kerin' i K. Issledovaniia labirinta / per. Vlasova N. A. Sankt-Peterburg. 2020. 160 p.
- Kern G. Labirinty mira. Sankt-Petrburg. 2007. 432 p.
- Kruglov E. A., Podprigora A. R. Kritskii labris (eshche raz o simvolike dvoynogo topora) // Aiaks. Issledovaniia po istorii, arkheologii i kul'ture. T. I. № 1–2. S. 101–114
- Losev A. F. Mifologiya grekov i rimlian. M., 1996.
- Miller V. F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar' / Pod redaktsiei i s dopolneniiami A. A. Freimana. Leningrad. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1929.
- Nemirovskii A. I. Etruski. Ot mifa k istorii. M., 1983. 251 s.
- Pendlberi Dzh. Arkheologiya Krita / Per. s angl. M., 1950, p. 416.
- Pfaf V. B. «Etnologicheskie issledovaniia ob osetinakh» // «Sbornik svedenii o Kavkaze. T. 2. Tiflis. 1872.
- Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov. T. 3. M., 2007.
- Salbiev T. K. Obriadovaia osnova osetinskogo traditsionnogo tantisa CHepena / Kepena (problema autentichnosti) // Vestnik VNTS RAN. t. 21 no 4 2021. S. 29–36.
- Salbiev T.K. Sviashchennyi brak: mifologiya i traditsionnaia khoreografiia osetin. Moskva. 2015. 104 p.
- Semenov L. P. Nartskie pamiatniki Severnoi Osetii//Nartskii epos. Sb.statei. Dzaudzhikau. 1949.
- Semenov L. P. Nartskii epos i pamiatniki material'noi//Nartskii epos. Materialy soveshchaniia 19–20 oktiabria 1956 g. Ordzhonikidze.1957. S. 82–91.
- Tomson Dzh. Issledovaniia po istorii drevnegrecheskogo obshchestva. Doistoricheskii egeiskii mir / Per. s angl. M., 1958, p. 660.
- Tuganov M. S. Osetinskie tantisy // Literaturnoe nasledie. Ordzhonikidze. 1977 68–94.
- Uarziati V.S. Izbrannye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika / Sost. V. A. Tsagaraev, E. M. Kochieva. Vladikavkaz. 2017. 552 p.
- Chibirov L. A.// Osetinskaia etnograficheskaya entsiklopediya // Sost. L. A. Chibirov Vladikavkaz. 2012.688 p.
- Chibirov L. A. Narodnyi zemledel'cheskii kalendar' osetin.1976. TSKhinvali. 282 s.